

УДК 821.111-31(73)(045)

*Н.С. Шалимова***РОМАН ИНИЦИАЦИИ: ГЕНЕЗИС, ПОЭТИКА, ДИНАМИКА ЖАНРА**

Статья посвящена теоретическому осмыслению поэтики жанра романа инициации. Рассматривается его генетическая связь с романом воспитания, формулируется гипотеза о формировании романа инициации как субжанра, который вбирает сюжетообразующие черты классического романа воспитания, однако концентрируется на переходном возрасте протагониста, рубеже его взросления, поскольку наиболее актуальными проблемами современной литературы о подростках являются возможности социальной адаптации героя, преодоление травматического опыта, осознание собственной идентичности. В романе инициации повествовательная модель обретает четкую трехчастную структуру, которая генетически и типологически связана с этапами посвящения. На материале современной литературы США делается вывод об особенностях поэтики жанра: исповедальности, трехчастной композиционной структуре, повествовании от первого лица, двуадресной направленности, отсутствии табуированных тем, аксиологической амбивалентности.

Ключевые слова: роман инициации, роман воспитания, поэтика жанра, герой-подросток, хронотоп, трехчастная структура.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-903-908

Жанровая атрибуция художественного произведения является одним из важнейших направлений в современном литературоведении. В результате эволюционно-поступательного развития словесного искусства жанрообразующие категории видоизменяются. Трансформация жанровой системы сопровождается архаизацией одних жанров и актуализацией других: некоторые жанровые мирозобразы теряют свою актуальность, возникают новые жанровые формы. Процессы «жанровой генерализации» приводят к тому, что оформляются синкретичные формы, возникают новые жанровые разновидности. Исследователи подчеркивают важность взаимодействия жанра и художественного метода [2; 8].

Меняется и один из наиболее традиционных жанров романа – роман воспитания (*Bildungsroman*). Исследователи указывают на социальную значимость таких произведений, поскольку литература о взрослении выполняет как философски-социальную, так и институализирующую функции в современном мире [4]. Поэтика романа воспитания связана с архаическим обрядом посвящения [3], который отражает архетипические модели взаимодействия личности и общества, способы экзистенциального осмысления человеком своего места в мире [5].

Появление и распространение романа воспитания имеет как историко-литературные, так и социокультурные причины: сюжетная схема инициации является основой эпоса [6], затем переходит в роман. Так как жанр связан с эстетической концепцией личности [2], формирование романа инициации как отдельной жанровой формы происходит во второй половине XX в. Это связано с кризисом веры, ослаблением социально-исторического контекста, потерей нравственных ориентиров [11]. В полной мере этот жанр формируется и активно функционирует в литературе начала XXI в.

Цель данной статьи – рассмотреть генезис, поэтику, нарративную и жанровую структуры романа инициации. Генетической основой исследуемого жанра, безусловно, является классический роман воспитания, однако роман инициации в большей степени служит попыткой осмысления места и роли человека в современном мире, поскольку задействует полидисциплинарный дискурс и связан с возрастной психологией, конфликтологией, социологией.

Во время социальных и исторических изменений, порождающих переоценку ценностей, универсальность и архаичность сюжетной схемы посвящения оказывается особенно востребованной, поскольку проблематизирует темы взросления и социализации подростков, изображает внутреннее преодоление, социальные и психологические трансформации. В нашей концепции роман инициации не противопоставляется роману воспитания, а выступает как субжанр, который вбирает концептуальные сюжетообразующие особенности романа воспитания, но трансформирует их, акцентируя сюжетную ситуацию взросления, перехода. Из идейного поля романа воспитания роман инициации наследует этап взросления, связанный с переходным подростковым периодом, поскольку именно эта фаза представляется особенно значимой и проблемной, сопряженной с кризисным, травматическим опытом трансформации внутреннего мира главного героя. В романе воспитания разворачивается длительный

период жизни протагониста, показывается его эволюция от рождения до наступления физической и эмоциональной зрелости. Роман инициации сосредоточен на ключевом моменте перехода, кризисном, часто катастрофическом событии жизни подростка. Именно этот нарратив оказывается наиболее востребован у читательской аудитории, поскольку роман инициации, актуализируя архаические паттерны посвящения, репрезентирует социальную адаптацию героя, которая лишена этической оценочности и может изображаться со знаком минус.

Так роман инициации в еще более значительной степени берет на себя социальные функции, задействуя прагматические потенции литературы, влияет на читателя, который, сопереживая герою, взрослеет и меняется вместе с ним. Этому способствует поэтика произведений: наррация от первого лица, исповедальность («новая искренность»), актуальная проблематика (буллинг в школе, проблемы адаптации особенных детей, переживание потери, насилие, суицид, зависимости, девиантное поведение). Роман воспитания охватывает разные стадии становления: «Детство. Отрочество. Юность» (Л.Н. Толстой) или «Детство. В людях. Мои университеты» (М. Горький), показывает историю героя в делящемся пространственно-временном континууме¹. Роман инициации же сконцентрирован именно на периоде отрочества, который наибольшим образом связан с проблемой преодоления травмы, возраст героев-подростков соответствует возрасту неопита, посвящаемого в архаическом обряде инициации. Следует отметить, что повествование может быть ретроспективным (нелинейность – инвариантная черта поэтики романа инициации), и в романном настоящем нарратор может быть взрослым и зрелым, но в фокусе его внимания именно этап совершеннолетия, рубеж инициации, к этому периоду обращен его взор. В таком случае, остраненная наррация, взгляд назад, делают рефлексию более многогранной, так как перед читателем разворачивается диалектика души героя, развернутая во времени и снабженная метакомментариями нарратора.

Характерной чертой романа инициации, как и в классическом романе воспитания, остается моноцентризм повествования: второстепенные герои «очерчены слабо, схематично <...> так как выполняют в романе эпизодическую роль: способствуют в данный момент формированию характера героя» [4, с. 37]. Роман инициации посвящен многогранному раскрытию образа протагониста, истории его взросления. Второстепенные персонажи изображены с точки зрения того, какую роль они выполняют в его формировании. В.Я. Пропп выделил «первичные элементы», которые определяют функции действующих лиц. «Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» [7]. Так, второстепенные персонажи наделяются такими функциями, как «отправитель», «даритель», «помощник», «ложный герой» и др.

Для композиции классического романа воспитания характерны моноцентризм, ступенчатость, поэтапность [2], в романе инициации повествовательная модель обретает четкую трехчастную структуру, которая генетически и типологически связана с этапами посвящения. Нарративная схема романа содержит три части, а путь героя в художественном пространстве текста символически связан со стадиями инициации. Выделяется три этапа обряда: сегрегация: отделение посвящаемого от старого окружения и разрыв с прошлой жизнью, транзикация (лиминация): промежуточное состояние, реализующее само посвящение; инкорпорация (агрегация): последующее включение индивида в жизнь общества в новом качестве [3].

В романе инициации этапы перехода становятся основой фабулы. По мнению исследователей, «эти этапы лучше всего назвать «образовательными ступенями» [2]. Архитектоника обряда [3] становится основой романа инициации, в котором проявляется архетипическая природа посвящения, как обязательной и самой важной ступени взросления. В художественном пространстве текста ключевое испытание становится кульминацией социального и экзистенциального взросления протагониста, проверкой его внутренней зрелости [5].

Жанрообразующими элементами романа инициации становятся: исповедальность, трехчастная композиционная структура (фаза обособления, фаза партнерства, лиминальная (пороговая) фаза, фаза преображения) [8], особый хронотоп (лиминальные городские ландшафты). Нарративные стратегии [10] романа инициации, воплощенные в сюжетно-композиционных особенностях, пространственно-временной структуре, специфике повествования, обладают инвариантным сюжетным ядром. Роман

¹ Главный герой и нарратор романа Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» подросток Холден Колфилд назвал это «дэвидкопперфилдовской мутью», апеллируя к классическому роману Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» и противопоставляя ему свою историю. Повествовательная модель этого произведения во многом является рубежной, пограничной, переходной от романа воспитания к роману инициации.

инициации имеет двуадресную направленность (это отражает само название феномена «Young Adult»), «двойное кодирование»: конституирующей основой являются такие черты, как: тип повествователя (история подростка, рассказанная от первого лица), организация повествования (диалогизированный нарративный монолог) [10], особая структура. Эти писательские стратегии позволяют не только удерживать внимание читателя, но и определяют социальные, экстралитературные возможности текста, когда за увлекательным сюжетом «прячется» глубокий философский подтекст [6].

Особое значение роман инициации имеет в литературной традиции США. Это связано с историко-культурными контекстами: мотивно-тематические комплексы литературы первопоселенцев находят воплощение и в новейших художественных произведениях, особенно эксплицитно они разворачиваются в романе инициации, в связи с моноцентризмом нарратива, индивидуализацией истории протагониста и в то же время собирательностью, обобщенностью его опыта. Семантика романа инициации, сюжетообразующими структурами в котором являются поиск, осознание героем собственной этнической, культурной, социальной идентичности, тесно связана с национальной ментальностью.

Сюжетная схема инициации в новейшей американской литературе взаимодействует с национальными мифами. Так как «миф является средством концептуализации мира» [5, с. 24], мифология коренных народов играет ключевую роль в формировании национального самосознания. Миф об открытии Америки, «нарратив Колумба» сделал процессы открытия, освоения, пути созвучными американской нации. Именно сюжет отлучки, странствия, поиска становится ключевым для национальной модели американского романа инициации.

Роман инициации является синтетичным и включает жанрообразующие черты социально-психологического, философского романов. Присутствуют в нем и признаки травелога, поскольку путешествие героев является не только перемещением в пространстве, но дарит им встречу с собой, рефлексию, самопознание, расширяет эмотивное пространство произведений. Оставляя обыденный мир, подростки оказываются в новой обстановке, которая раскрывает многообразие мира, его многовекторность. Влияние социально-психологического романа на роман инициации можно усмотреть в корреляции индивидуальных и социальных начал (после испытаний герой либо возвращается в общество, обретает гармонию с внешним миром, либо покидает его), а также в развернутых интроспекциях, которые раскрывают внутренний мир и позволяют увидеть психологический портрет героя («Тринадцать причин почему» Дж. Эшера (Thirteen Reasons Why, 2007)). Исповедальность раскрывается в форме повествования от первого лица, которая становится типичным способом нарративной организации романа инициации («Виноваты звезды» (The Fault in Our Stars, 2012) Дж. Грина, «Тайная история» (The Secret History, 1992), «Щегол» (The Goldfinch, 2013) Д. Тартт). Философские дискурсы связаны с глубоким исследованием свободы, страха, экзистенциальными озарениями, которые переживают персонажи романа инициации [9].

В современном романе инициации США находят воплощение ключевые национальные мотивы: предопределение, негреховность, избранность, достоинство, трудолюбие, свобода, равенство, дикие просторы (providence, innocence, worthiness, industry, freedom, equality и wilderness) [1, с. 11], с ними сопряжены духовные поиски подростков, взросление которых показано через оппозиции греховности/негреховности, невинности/опыта, тривиальности/исключительности, обыденности/неизведанности. Как было отмечено выше, особенностью поэтики романа инициации является повествование от первого лица, это также важная часть национальной литературной традиции США, которая сочетает «self-reliance» (доверие к себе) и опыт первопоселенцев, фиксирующих наблюдения над окружающим миром в форме дневников и мемуаров. Наиболее репрезентативными нам представляются такие претексты, как: «Автобиография» (The Autobiography, 1790), «Альманах Бедного Ричарда» (Poor Richard's Almanack, 1748) Б. Франклина, «Приключения Тома Сойера» (The Adventures of Tom Sawyer, 1876), «Приключения Гекльберри Финна» (The Adventures of Huckleberry Finn, 1884) М. Твена, «Мир глазами Гарпа» (The World According to Garp, 1978) и др. В. Ирвинга, «Воспитание Генри Адамса» (The Education of Henry Adams, 1907) Г. Адамса, «Мартин Иден» (Martin Eden, 1909) Дж. Лондона, «Сестра Керри» (Sister Carrie, 1900) и др. Т. Драйзера.

В американской литературе второй половины XX в. нарративы о взрослении становятся более сложными, обогащаются элементами «черного юмора», пародийными и карнавальными приемами, интертекстуальностью. Повествование становится более лаконичным, хронологические рамки сужаются, нарратив интенсифицируется. Одним из первых примеров репрезентации повествовательной модели, которая наиболее отличается от традиционного романа о взрослении, можно назвать уже упомянутое

произведение Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (The Catcher in the Rye, 1954), текст, послуживший определенной основой для формирования романа инициации в литературе США. Ключевыми произведениями этого периода являются такие сочинения, как «Вино из одуванчиков», «Лето, прощай» (Dandelion Wine, Farewell Summer, 1957) Р. Брэдбери, «Цветы для Эдджернона» (Flowers for Algernon, 1959) Д. Киза, «Убить пересмешника» (To Kill a Mockingbird, 1960) Х. Ли, «Хорошо быть тихоней» Ст. Чбоски (The Perks of Being a Wallflower, 1999) и др.

Главными проблемами романа инициации начала XXI в. становятся темы взросления, культурной, гендерной, этнической, национальной самоидентификации подростков («Средний пол» Дж. Евгенидиса, (Middlesex, 2003), «Бегущий за ветром» Х. Хоссейни (The Kite Runner, 2003)), преодоления кризисов, трагедии, травмы («Щегол» Д. Тартт, «Жутко громко и запредельно близко» Дж. Фоера (Extremely Loud and Incredibly Close, 2005)), осознания себя через прошлое семьи, в том числе через противопоставление семейным традициям своей личной истории («Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау» Дж. Диаса (The Brief Wondrous Life of Oscar Wao, 2017), «Снежная королева» М. Каннингема (The Snow Queen, 2014), «Маленький друг» Д. Тартт (The Little Friend, 2002)). Особенное внимание в современной литературе о подростках уделяется теме телесности, физического осмысления себя («Средний пол» Дж. Евгенидиса, «Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау» Дж. Диаса). Ключевой в романе инициации является тема смерти, поскольку в архаическом обряде посвящения она была одной из форм сакрального знания, приобщаясь к которому, посвящаемому открывались таинства бытия. В современной литературе тема смерти сопряжена с темами суицида и насилия, она выводится из списка табуированных и раскрывается в шокирующем ключе. Так, в романе Э. Сиболд «Милые кости» (The Lovely Bones, 2002) повествование ведется от лица погибшей девочки, которая из другого мира наблюдает за своей прежней жизнью. В произведении «13 причин почему» Дж. Эшера глубоко исследуется тема подросткового самоубийства, о причинах которого рассказывает также ушедшая из жизни героиня Ханна Бейкер, записав свою исповедь на аудиокассеты.

Событийная насыщенность обуславливает пространственно-временную плотность романа инициации: время субъективно и зависит от смысловой и содержательной ценности момента, пространство, как уже было отмечено, делится на привычные, «профанные» топосы и новые, лиминальные и одновременно сакральные, которые «проверяют» и «обновляют» его. Местом действия часто становится хронотоп большого города, в котором герой переживает экзистенциальные «озарения» (образ Амстердама в романе Дж. Грина «Виноваты звезды», Нью-Йорк, Амстердам, Лас Вегас в романе Д. Тартт «Щегол», Нью-Йорк в романах «Жутко громко и запредельно близко» Дж. Фоера, «Снежная королева» М. Каннингема и др.).

Важную роль в романе инициации играет исследование культурных кодов, этнической идентичности и самосознания подростков. Этой теме посвящены романы «Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау» Дж. Диаса, «Бегущий за ветром» Х. Хоссейни, «Средний пол» Дж. Евгенидиса.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. «Носителями жанра» в романе инициации становятся такие категории поэтики, как система персонажей, где протагонист – изменяемая величина, поскольку он переживает внутреннюю трансформацию, а второстепенные герои, как правило, остаются статичными; сюжетная структура поиска, пространственно-временная организация, ретроспективная композиция, повествование от первого лица, темы любви и утраты, мотивы преодоления, освобождения, которые являются сюжетообразующими. В американском романе инициации начала XXI в. произведения, с одной стороны, являются событийно насыщенными, с другой, ключевым является эмотивное пространство произведения (исповедальность, сокращение дистанции между нарратором и читателем). Аксиологический фокус романа инициации связан с утверждением уникальности, неповторимости опыта, индивидуализацией жизненного пути, утверждением гендерного, этнического, национального, культурного разнообразия. В то же время, благодаря архаической схеме посвящения, с которой связана поэтика романа инициации, показывается универсальность испытаний, с которыми сталкивается человек, проходя путь взросления и становления, социализации и самопознания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова К.М. Ведущие лейтмотивы ранней американской словесности и их влияние на современную литературу // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 1 (7). С. 8-13.
2. Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа). СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
3. Ван Геннеп А. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.

4. Дialeктова А.В. Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения. Саранск: Изд-во СГПИ, 1972. 38 с.
5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
6. Пашигорев В.Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII–XX веков. Генезис и эволюция: дис. ... докт. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 333 с.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
8. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. 336 с.
9. Шалимова Н.С. Поэтика романа инициации в современной литературе США // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 12. С. 3800-3803.
10. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
11. Hirsh M. The Novel of Formation as a Genre // Genre. 1979. Vol. 7, № 3. P. 293-312.

Поступила в редакцию 08.03.2023

Шалимова Надежда Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
Института иностранных языков
ГАОУ ВО г. Москвы Московский городской педагогический университет
129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
E-mail: shalimovans@mgpu.ru

N.S. Shalimova

INITIATION NOVEL: GENESIS, POETICS, DYNAMICS OF THE GENRE

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-903-908

The article is devoted to the theoretical conceptualization of initiation novel's poetics. Its genetic connection with Bildungsroman is considered. There is a hypothesis about the formation of initiation novel as a subgenre that incorporates the plot-forming features of the classic Bildungsroman. It focuses on the transitional age of the protagonist, the turn of his/her growing up, as the most significant problems of modern YA literature are the possibilities of social adaptation of the characters, overcoming traumatic experience, awareness of his/her own identity. In initiation novels, the narrative model consists of three-part structure, which is genetically and typologically related to the stages of initiation. Based on the material of modern US literature, the conclusion is made about the peculiarities of the genre's poetics: confessional, three-part compositional structure, first-person narration, dual focus, absence of taboo topics, axiological ambivalence.

Keywords: initiation novel, Bildungsroman, genre poetics, teenage character, chronotope, three-part structure.

REFERENCES

1. Baranova K.M. Vedushchie leitmotivy rannej amerikanskoj slovesnosti i ih vliyanie na sovremennuyu literature [Main Leitmotifs of Pre-national Literature and Their Influence on Modern American Literature] // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie [MGPU Vestnik. Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]. 2011. № 1 (7). S.8–13. (in Russian).
2. Bahtin M.M. Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana). [Epic and novel (On the methodology of the study of the novel)]. SPb: Azbuka. 2000. 304 s. (in Russian).
3. Van Gennepe A. Obryady perekhoda. [Rites of passages]. M.: Vostochnaya literature [Oriental literature]. 1999. 198 s. (in Russian).
4. Dialektova A.V. Vospitatel'nyj roman v nemeckoj literature epohi Prosveshcheniya. [Bildungsroman in the German literature of the Enlightenment] Saransk: SGPI. 1972. 38 s. (in Russian).
5. Meletinskij E.M. Poetika mifa [The poetics of myth]. M.: Nauka. 1976. 407 s. (in Russian).
6. Pashigorev V.N. Roman vospitaniya v nemeckoj literature XVIII-XX vekov. Genezis i evolyuciya. [German Bildungsroman of the 18-20 Century. Genesis and Evolution]. Saratov: Saratov univ. Publ. 1993. 133 s. (in Russian).
7. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Historical roots of a fairy tale]. M.: Labirint. 2000. 336 s. (in Russian).
8. Tyupa V.I. Analiz hudozhestvennogo teksta [Analysis of a literary text]. M.: Akademiya. 2009. 336 s.
9. Shalimova N. S. Poetika romana iniciacii v sovremennoj literature SSHA [The Poetics of the Initiation Novel in Modern US Literature] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]. 2022. № 12. S. 3800-3803. (in Russian).
10. Shmid V. Narratologiya [Narratology]. Moscow: Jazyki slavyanskoy kul'tury [Languages of Slavic Culture] 2003. 312 s. (in Russian).

11. Hirsh M. The Novel of Formation as a Genre // Genre. 1979. Vol. 7. № 3. P. 293-312. (in English)

Received 08.03.2023

Shalimova N.S., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of English Philology
Institute of Foreign Languages
Moscow City University,
Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, 4, Moscow, Russia, 129226
E-mail: shalimovans@mgpu.ru